

(Простая история об Анечке и Венечке, Мусе и Манечке. Или приключения отставного художника, набросанные им воздушною кистью в умозрении и переложённые автором на бумагу).

Начало см. в альманахе «Орёл литературный» №13

15. ПЕРВЫЕ УДАРЫ КИСТЬЮ. «FLAME D'ENFER» – АДСКИЙ ОГОНЬ. СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Топот всадников делался ближе...

Огонь вырывался из пастей животных. Из под копыт выбивались цветы... Огненные...

Пролагалась за всадниками борозда цветоносная...

Раздвоилось сознание у Венечки...

Не ведал, не знал Вениамин Иванович, в самом деле, где он теперь, что с ним? Стоит ли он на мосту, Александровском? Или, трансформировавшись, будучи превращён в образ, летит (Веня сие исчислил и зафиксировал по непереносимому свисту в ушах, по гудящим, как будто набат, ударам копыт о твердь небесную, выстилающуюся под всадниками камнем, кремнистой дорогой), да, летит Веня, будучи недвижим, несётся по сотрясаемому им небу с невысказанной даже поспешностью, в предвкушении очистительной битвы!.. И уста его, как меч плазменный,

светом и словом разящие... И очи его горят, как сон о царстве небесном!..

Да совсем приподнялся с колен Веня, то есть несясь в одно время по небу. Странное чувство... Вот так и вся жизнь – вся на разрыв у Вени. Сколько ни топчет он землю. Скорость не меньше трёх махов, то есть быстрее звука, определил Веня, там у него, в небесах, и даже намного больше, только из пустых глазниц вышибает слезу у Вени; и от этой от жуткой тяги всадник наш словно влип в мостовую, то есть здесь, – ни рукой, ни ногой ни пошевелить, ни двинуть, никаких сил нету. Однако же пора, пора за работу... Превозмогая ускорение, Веня разогнул систему из шарниров и суставов, встал на ноги, но как-то так, наклонившись вдаль и вперёд, словно летел и стоял на стремянах, и так – будто сверху, с высоты озирает Орёл жадными от вдохновения очами Вениамин Иванович... На лету, на лету начал малевать Вень Ваньч! (О, какой, однако, у Вени широкополосный, широкоформатный, панорамный холст!).

Живописец даже не заметил отсутствия художественных принадлежностей, мольберта, прочих под рукой аксессуаров. Целый город подвигался к нему, как сияющий огнями подрамник со вставленным внутрь необычно-

венным холстом, уже тронутым провидением. Веня даже ощущал запах грунта, давеча нанесенного на картон, особого грунта в смеси с эссенцией из фиалок, которые Веня срезал по ночам на городской клумбе и настаивал, закупорив, в сине-сизых чернолощеной глины горшках (изделия знакомого мастера, на заказ) в заветном своём подвале рядом с письмами к мироносцам и адскими рукописями. Холст, правда, был как-то помят, перекошен и отчего-то притом в сахаре... Впрочем, более холста, раскинувшегося перед его взором, смущал, точнее, стеснял Веню комбинезон, в который он был облачён. Дело в том, что Веня обычно живописал, будучи в шелковой белой рубашке с хрустящими от крахмала манжетами, с искрой, летящей от запонок; в петлице отложного воротника – цветок турецкой гвоздики, сиреневый раструб вьюнка или чёрно-золотистый жар заткнутой туда же рудбекии (Веня вообще обожал цветы, которые похожи на солнца). Но ещё большие неудобства испытывал Веня оттого, что не подушился. Веня вообще не рисовал – священнодействовал. Как можно-с малевать не надушенным!.. Нонсенс! За рубашкой бежать было некогда. Но отчего же не подушиться? Достав из карманов штанов пшикалку, Веня обильно спрыснул у себя под мышками, в паху и за шейей, – одеколоном, точнее – духами («Красная Москва»). Далее пыхнул – поперёд себя. Воздух заблаухал, как если б на мост вступило до тысячи барышень-вятичек. Замечу, одна другой надушенной и краше. Все, как одна. Не сомневайтесь. С видимым вздохнул облегчением Веня. Теперь, после манипуляций с пшикалкой, вполне может получиться шедевр. И есть, есть кому любоваться его работой. Веня имел в виду барышень, которые, конечно, уже поподнимались (все, как одна) с постелей (с пуховых перин) на ошизненный зов красномосковских его духов и двинулись к мосту прям в рубашках (от постелей же, да и тепло ночью), полупрозрачных и просвечивающих, гм, с таким, чадящим, как из печи, теплом, потом – подушками, снами, всею золотоволосою неизъяснимою очередью. Наконец, Веня прочитал молитву и покрестился.

Ох, Веня! Язычник ты, язычник и нехристь, и бабник, хоть и крестисься!

И вот только засим наш живописец положил на град краски, чрезвычайные, чудные, страшные! То есть, прошу прощения, вдругорядь!..

Что-то накатило на Веню.

Усмотрев за уже обогранным кровью мостом некоторую дисгармонию Веня сыпанул туда прям из пузырька – «flame d'enfer» – адский огонь, пигмент собственного изготовления (Веня вообще обожал среди прочих сухие краски, которые растирал стеклянным пестом на порфире), в данном случае, значит, пигмент был перламутрово-красный.

Возможно... Тут что-то сошлось... Бывают такие совпадения... Что до самого Вени, то Веня думал иначе... Веня не сомневался в неизбежности революционных преобразований и трансформациях цвета. Что он загадывал в воображении, то получалось на деле.

От запозднившегося трамвая, поспешавшего в депо вверх по Карачевской, от верхней планки дуги, скользящей под проводом, полыхнуло и сухо ж, вразлёт, посыпалось электричество и, сыпясь, побежало дале вперёд по проводу вместе с трамваем; взвизгнули тормоза, и уже из под чугунных колёс вырвалось и заматалось, коллапсируя, белое пламя таким рваным пульсирующим сгустком, слепящим, гуляющим под днищем трамвая между колёсными парами.

В исступлении вдохновения, размахнувшись и пробежав чуть вперёд, Веня метнул новую порцию красок, на этот раз цельный пузырёк, с кобальтом, теперь разведенным, достаточно жидким, как если б бросал гранату, лимонку, Веня даже не выдернул чеку, то есть не снял крышечку с пузырька.

Определенно, удача преследовала Вениамина Ивановича: лимонка ткнулась о рельсу и брызнула синим, зазмеившимся по путям светом... Осколки (стеклянные) впились, похоже, что в око, выскочившему из дверей водителю, – потому как водитель тёр с усилием и именно око... Помазало синькой башмаки выпавшим следом из разъехавшихся створок дверных пассажирам. У тех же, кто нагнулся (инстинктивно ли, из любопытства ль) к колёсам, лица просияли, и сияние как бы пристало к лицам. Свет побежал по рельсам извивистой лунной дорож-

кой, проваливаясь и вспухая на стыках. До поворота у церкви Иоанна Крестителя с кладбищем, до автовокзала и выше до Ботаники, до часовенки Александра Невского, до торговой линии Грина.

Удар о рельсу был достаточно сильным. Брызги, пройдясь по каменным головам видных граждан Орла слева гимназии, так что последние также покрылись ореолами, и мазнув о копыта всадника справа, достали до перекрёстка на Комсомольской улице и Воскресенского переулка. Веня швырнул ещё лимоночку. И на секунду отвлёкся.

Из летевшего (теперь уже сверху) троллейбуса по Комсомольской, из-за ситцевой шторы в окно высунулась морда козы, вдруг заблеявшей, и оттуда ж раздался задавленный крик петуха.

Веня всё видел. Как хозяин, не рассчитавши, придушил петуха и, подумав, свернул тому шею, хуже того, бросил голову (петуха) зачем-то в окно.

Нервничает, решил Веня.

«Чёрт!» Веня сплюнул.

Для чего возить в полночь животных, да ещё в общественном транспорте? Тут у Вени у самого глаза пошли как бы юзом. Транспорт занесло, то есть от торможения. Над троллейбусной ободранной крышей, покачиваясь на весу, болталась выбитая из сети штанга, другая голубела электрическим светом, разгораясь всё ярче и время от времени вспыхивая и стреляя очередями из шипящих искр.

Надо ж, достало мгновения.

Признаться, Веня не любил резких запахов, особенно в смеси. В нос же ударило жженной резиной, азотом, точнее, кислотой азотной, плавящимся графитом и даже нафталином. Только запах озона, который также ощущал на губах Веня, ещё примирял Веню с угарным букетом. Что поделаешь... Машина окуталась паром и дымом. И без того стоявшие криво дома, будучи облиты сбившейся как бы в стекло воздушной массой, блестящей от рекламы, с шапками из мармелада, в помпончиках вишенных, в пудре и патоке, еще покривились от искажения воздуха и, не перенеся волнения, завалились и даже легли набок. Воздух опять ходил ходуном. Предметы ломались и превращались в марева.

Выскочившая из Воскресенского переулка машина, сверкнув лобовыми стёклами, вильнув задом, вытянулась, взлетая на воздух, как змея, распустившаяся в кольцах, и шмякнулась оземь (сплющилась до геккона, до жабовидной ящерицы, вернее, комодосского врана) сущей такой и сверкающей гадиной (собранной, определенно, из частей пресмыкающихся и насекомых).

«Железная саранча! В доспехах! – мелькнуло в голове у Вени. – Съезжается!.. Или...»

Веня не успел додумать.

Треск сбоку заставил его обернуться направо.

Он уже стоял на Карачевской.

Металась очередная электродуга.

Верно, решил Веня, замкнуло рядом с рельсами, искрил выпнувшийся из канавы вымытый дождевой водой кабель, питавший уличное освещение. На беду домочадцев строения 12/3 (где некогда проживал Веня) от кабеля тянулось ответвление (через дорогу), утопленное в землю и выказывающее себя у дома, далее ползущее вверх по перетяжному столбу, перекинутое посредством кронштейнов на крышу и с неё, разделяясь, ещё бог весть куда по другую сторону здания – слева к Тургеневскому мосту, справа к памятнику Лескову, прямо – к церкви Михаила Архангела. Блистали антенны. Хлопали форточки. Сияла, как солнце, покрытая цинком крыша.

Тут только Веня ощутил на лице холодный с севера ветер. Берет с его головы сдуло. Изделие бросило на парапет к памятнику и поволокло в переулок Михаила Архангела между домом и церковью. Веня кинулся следом, нагнав артефакт у водопроводной колонки, – ну надо же, Венин чепец сел прям на колпак корпуса.

Веня протянул за ним руку. Однако приостановился.

Мало того, что подпёртый куском кирпича рычаг не давал распуститься пружине и опуститься клапану, чтобы перекрыть воду. Вода как-то странно сияла. Веня слегка попятился: из соска вместе с водой бежал рваный синий огонь. Верно, какие-то блуждающие токи, подумалось Вене. Жалко однако было берета. Веня зашёл к своему пирожку с другого бока. Как опять вдруг горядь отдёргнул руку. С верха, с острия берета,

с помпончика стекал тот же огонь, захватывая весь убор, всю головную его сферу.

Решившись, Веня взял и нацепил на себя пламя, тут же весь и просиявши безумным лицом.

Что-то сделалось, что-то совсем перепуталось со временем. Было меньше, чем полагал Веня. Что-то учинялось с головой Венечкиной.

Папёрть справа полнилась праздничным людом, возбужденно жестикулирующим. Прихожане толпились в лёгких плащах и накидках. Иные держали в руках зачехлённые зонтики. С концов зонтов, с обшлагов рукавов, с хлястиков и шлиц, с подолов платьев, с манжет брюк слетали на папёрть, виясь по земле, а то и просто завивались в воздухе те же синие языки пламени, летучие и холодные. Лица у прихожан сияли. Прихожане крестились. И кресты, прочерченные перстами, стояли в воздухе, также сияя.

Из-под копыт коня показавшейся от Тургеневского моста (всё той же) капитанши, от цокающих по булыжнику подков искры рвались снопами, перемежаясь лентами и шёлковыми кусками совершенно бесподобного пламени. Нагонявший всадницу лейтенант (пустивший коня лёгким галопом), тот выбивал из камней и взметал перед собой целые водопады переливающегося пламени.

Веня не то что бы пустился наутёк... Веня снова бросился к мосту. Оно как-то родней там. Потом. Оттуда, что там ни говори, обзор много лучше. Вот только Вене не следовало идти напролом, через ансамбль с героями Николая Семёновича Лескова.

В виду поспешности Веня боднул головой колону со скульптурно застывшей этапированной в Орёл душегубкой, Катериной Львовной Измайловой, сосланной сюда на вечные, так сказать, времена. Огонь от Вениной головы взвился к подошвам знаменитой узницы, загадочно глядевшей на Орёл со столба. Жар, верно, подбил ей пятки. Огонь зажётся в глазах заключенной. Лютым таким и неумолимым пламенем. Леди спрыгнула со столба.

Правда, голос её показался Вене ужасно знакомым.

«Ночью, Веня, на мост приходи. Или сюда – в сквер!» – душно шепнула краля, заглядывая ему в глаза, так, будто только что поднялась с постелей. Мороз пробежал по членам Вени.

«Прочь, Катерина Львовна! – отвечал Вениамин Иванович. И, несколько смягчившись: – Неудобно же... Да и застукают... – сорвалось с языка у Вени. – Вообще неприлично... Залезайте обратно на пьедестал!»

Ну да, конечно, конечно, неприлично Вене якшаться с каменной бабой!.. Впрочем, как и сказать. Это была только первая сходка...

Веня обошёл стороной истуканшу.

И двинулся дальше.

«Дурачок ты, Веня!» – донеслось ему вслед.

Правда, так душно могла шептать только Евангелина Иоанновна, Ангелиночка, Венина Анечка.

Должно быть, обознался Веня, то есть привиделось Вениамину Ивановичу. Ну и само собой – ослышался Вениамин Иванович.

Веня оглянулся назад.

Баба глядела на него не мигая. Будто и не спрыгивала с постамента. Только фигура горела. Зенки ж светились, мог бы побожиться Веня, неукротимой любовью и даже с мольбой глядели вслед Вене.

Определенно, мадам запала на Веню, испугался Веня, глупость какая-то... А мысль-то застряла...

«Веня! Понадобится какой инструмент – приходи!»

Ах! Это Левша наклонился к Вене, то есть, опять же, с пьедестала.

«Зачем?»

«Дык... Завсегда может пригодиться...»

По ступеням встреч Вене поднимался гражданин с козой на веревке, зажатой в одной руке, из-под мышки другой, уставясь на Веню, глядел петух без головы.

По-прежнему крепче пущего прижимая петуха к боку, чтобы тот не выпал из-под руки, мужик как-то странно вывернул руку, словно какой остаток, и разжал кулак.

Заволокшийся смертною пленочкой ободок петушиного глаза бросился в очи Вене, качнулись красные серьги, капнула из горла кровь на сапожки Венины. Веня ковырнул гранит сапожком.

«Вот-с... Нашёл, значитца, голову... Для Вас... Не сомневайтесь: понадобится Вам...»

Веня сгрёб, даже и совсем не раздумывая, голову, запхал её в комбинезон, в двадцать девятое отделение, бывшее у Вени пустым на всякий непредвиденный случай. «Вишь, пригодилось...» Двадцать восьмого отделения у Вени не было – число нехорошее... Двадцать семь числилось у Вени чистых карманов. Двадцать восьмого, повторяем, не было. Двадцать девятый карман – предназначался для пользования согражданами.

Запхал, значит, Веня петуха и отправился себе восвояси, дале, к орлам на мосту, к тем, что сидели на медных шарах перед мостом, эти никуда не снимались...

Наконец, Веня затряс головою и потрепал у себя там, где было ухо, за ухом. Да. Именно. Было так неправдоподобно и даже до жути тихо, что Веня понял: ему заложило уши. От петушиной крови... Благо, не упал в обморок... Не сверзился с моста...

Лучше бы ты не тряс, Венечка, головою. Не отверзал уши...

В граде Орле сделалось форменное светопреставление.

Веню чуть не прибило к земле. Громокипящими звуками. Да-с. Как если бы по всему небу кто-то раскидал тысячепудовые била и, раскачивая, ударял в них, так что удары передавались небесной тверди, и твердь отзывалась гулом, вздрагивая, и гудела всем своим монолитом, всею цельнолитую массую, одним таким громоподобным подрагивающим от ударов, из меди и серебра, колоколом-звуком. И, чудилось, нет-нет, литые бока трескались от ударов, то в устье, то в короне, извергаясь осколками, со звоном, то сыпали дробью, то глухо – шрапнелью... То ухаля, ежели отпадала глыба...

«Вишь, свернулось... То, было, расправилось... Теперь – колетса небо!...»

Веню пошатывало.

Фронт надвигался ближе. Прежде при всём при том как бы в отдалении грохотало... Но вот всё ближе, ближе, всё громче и явственней! Так что кровь приливала к вискам. От ударов сердце сжималось, готовое выскочить. Не то разорваться.

Вот уже поездом налетал стоязкий шум. Рёвом турбин. Адом и свистом. Как что у Вени перепонки не лопались!.. Наконец, всё покрылось какой-то одною звучаще-клубящей светящейся тьмью-нотой.

Небо прорвало!

16. КОПЬЁ ПЯТОГО ВСАДНИКА

Тонкий молниеносный синий огонь, озарив полнеба, ударил сверху и, прорезав сферу, вошёл в землю.

Всадники вдалеке высветились, изваянные как бы из самого пламени!..

Что подвигло на засим последовавший шарж Веню? Никто не в состоянье сказать. Тем более сам Веня...

Веня выхватил из карманов самую тонкую кисть, и однако ж, подумав, сменил её на карандаш. Причём, выбрал химический. Если Веня слюнявил его, штрих соответствовал синему цвету, подобному пламени. Просто чертил – серым реалиям. Карандаш – потому что Вене было некогда. Недосуг было Вене. Иной раз достаточно только наброска, только лишь набросать вещь, чтобы она задвигалась и ожила... Карандашом быстрее и проще, тем более для передачи движения...

Видимо, кровь впрямь бросилась в голову Вене!

На тех, четверых, у него нет права... Се не Венин вымысел. На этого же вот, пятого всадника, есть... На самого то есть Веню, на двойника Вениного...

Не мудрствуя лукаво, Веня увеличил (пририсовал) число подпруг у лошади (для крепости), пропустил через ремни хомуты, слева и справа лошадиного брюха, в качестве, так сказать, подвесок и, не мешкая, причепил к ним ракеты, крылатые, с мощным (Веня сделал их попузатее) боезарядом.

Нужно сказать, начертать это было не просто. Венин карандаш едва попевал за скачущим по кремнистой вышней дороге всадником. А дело, конечно, было ответственное. Как бы у Вени рука не дрогнула.

Несколько отвлѣкшись в мыслях, Веня продолжал между тем что-то там в высоте чертить, чисто автоматически, то есть заполнять всякими штуками твердь, как, случалось, задумавшись, маши-

нально (то есть фактически бездумно, такой вот парадокс) заполнял бумагу нередко даже фантастическими рисунками. Потом, не без удивления рассматривал сии наброски – как, что они явились ему, откуда вылезли, что за бред? Бывало, Веня даже пугался. Случалось, Веню брала оторопь... В особенности, когда он слагал философские свои опусы, работая над текстами, над, эээ, трактатами (футурологическими), и нёс, значит, в процессе мышления такую великолепную хрень, такую пёр, значаща, околесицу, уносился мыслью в столь несусветную высь, что, ну, никак не поспевал за этой, за самую мыслью... Ну и тогда, значит, отдавшись её течению, совсем улета, можно сказать, отключался, начисто, Веня, – рука же творила... То есть произвольно, по укоренившейся привычке, не совладав с мыслью, Веня чего-нибудь изображал на бумаге. Какие-нибудь безобразия. Очнувшись, случалось, даже не без дрожи взирал на вызволенные им из головного подполья организмы – личики и личины, тёмные, мутные, как у Гойи. Как они совмещались, его мечтания, душеспасительные, и сии, душераздирающие, ввергающие в ступор, физии?... Одному Богу известно. Потом, по ночам, сходя с бумаги, они приходили на свидание к Вене, проявляясь над постелью Вени, над смежёнными его очами, с показательной даже небрежностью – непричёсанные, незаконченные, не без (мог бы сказать Веня) изысканного уродства некоего, которым щеголяли, – недоноски Венины. И то ли хотели обратно в него влезть, то ли что-нибудь сотворить с Веней. То ли ожидали (хотелось бы думать, конспирологического свойства и характера, не воровского и уголовного) неких указаний от Вени. Вообще же, конечно, два параллельных мира помещалось в подвалах у Вени, две яви поднимались из его подземелий, точнее, прятались там, подпирая ему голову. И одна, определенно, тайная, с этими – с «нелегалами»... Может быть, с иносветными... Что-то в них смущало Веню... От этого, нередко, как только вспоминал о них Веня, не по себе, прямо скажем, нехорошо делалось Вене. Правда, странные и неясные (может быть, страшные) существа жили и даже плодились, размножаясь, в подполе у Вени – как в могиле, затворённые там. Сдавалось Вене, по аналогии некой, точно

так же клокотали и бились в нём (о стены), в голове то есть, в черепной коробке у Вени, зато чённые в ней, как в реакторе с ядерным топливом (где-нибудь в гипофизе, почему-то мерещилось Вене), жуткие даже энергии, может, вселенской мощи и силы. Как бы не сообщить их карандашу... То есть все сразу. Тут нужна дозированность и умеренность.

Словом...

...Послюнявив карандаш, Веня только наметил контуры... Только искру, не более чем одну, бросил в двигатель... Как она побежала по дюзам... К выходному патрубку. С управляемым, гм, вектором тяги. Автоматом Веня поднёс грифель к соплу другой сигары... То есть, понятно, в проекции... Впрочем, господа, – в живописи-то, главное – чувство перспективы... Веня ж в совершенстве владел художнической оптикой. Подумав, Веня добавил, теперь уже кистью, чуток пылающей солнцем сиены в атмосферу. Мазок Венин оказался безупречен, он упал точно на сопло...

Что ты делаешь, Веня!?

Безумец!

(Право же, с некоторых пор я, без сомнения, во всё время уже имел как бы медиумо-телепатическую связь с Веней, как летописец, связанный некою родильной пуповиной с моим героем, то есть моих прижизненных хроник).

О, верно, на сей внутренний крик мой и оглянулся Веня.

На мгновение...

Мгновения Вене достало, чтобы узреть разом и объять в целом всю стратосферу и что под нею дёется...

Город стоял одной электросваркой. Одним таким электрическим всполохом и разрядом! Посреди теми и мрака. По всему, по целому городу сияло, рвало, бухало и вздымалось. Сотрясался весь город!.. От центра до горизонта. Снизу и доверху. Без вариантов. На спасение...

Но так остро, остро сияли кресты над церковью Михаила Архангела... И там, где был один, горело по три... За крестами и поперёд них, повторяя их, скошено и наклонно, горели золотые их контуры, чуть взнесённые.

(Качнувшись, знамения сошли с места...
Словно бы сами по себе воссияли и утвердились
в воздухе. Встали и засияли над городом.)

Веня покрестился.

И оглянулся назад, чтобы довершить дело.

Похолодел однако же Веня.

Тронутые химическим завитком сопла ракет
уже зажглись голубоватым рвущимся из дюз
пламенем. Рёв двигателей покрыл собою грома
и молнии. Твердь небесная поколебалась...
Изделия так медленно, медленно отрывались
от и из-под стремян пятого всадника... Чтобы
потом ускориться...

Вениамин Иванович ещё успел заметить, как
вокруг одной и другой шутихи образовались
туманные кольца, воздушные завихрения, кото-
рые пошли клочьями, как только изделия зави-
ляли, совершая манёвр, обходя вставшие перед
ними, взявшиеся невесть откуда, зависшие в воз-
духе другие творения, набросанные Веней между
делом и мимоходом – без обиняков – наипре-
краснейшие...

Да, господа!

Не поверите?.. Но так, так!

Сиял, сиял вдаль на небосклоне над
Вениамином Ивановичем – не тот, на кото-
ром стоял он, другой (нарисованный им) –
Александровский мост, тот, который нависал над
его головой в Париже, когда они с Евангелиной
Иоанновной, Ангелиною, Анечкой совершали
по Сене прогулку на белоснежном с креслами
катере, покачиваясь под надвигавшимися на них
золотыми орлами, горящими на сентябрьском
солнце, уже вступая в тень между массивных
опор императорского моста. И власа её, развева-
ясь, задевали о литые перья орлов, летящих над
аркой, доставая до их золотого пламени. И упа-
дали на воду. Аня, Анечка...

Только вздохнул Вениамин Иванович...

Дальше и слева моста (будто Вениамин
Иванович и впрямь катался по Сене) наплы-
вал, покачиваясь высоко в небе, надвигался
могучими рёбрами аркбутанов бокового нефа
и поперечной шестисаженной розой, там, изну-
три, сияющей цветами, распускающейся светом,
новозаветным, – Нотр-Дам, Нотр-Дам де Пари...

Так, так, господа!

Вене хотелось плакать...

Будто корабль, будто ковчег плыл над
Вениамином Ивановичем...

Близко, о как близко, можно рукой достать...

Венечка протянул вперёд руку...

Но поздно...

Собор, разлетаясь, падал... Падал и рушился
Александровский мост...

Значит, тоже, и их поносило с орбит...

Не один Орёл...

Сносит... целую землю...

Мягутся мегаполисы...

Веня явственно слышал, как потрясывает кон-
тиненты!..

Как заходится шар земной!

Как мятутся и перестраиваются планеты...

Грядёт, идёт уже Вселенская битва!

Много будет работы Всадникам...

Шутихи неумолимо приближались, облетая
обломки разваливающихся в высоте строений.

«Умные машины», – подумалось ещё Вениамину
Ивановичу.

«Высокоточное, гм, оружие», – умилился Веня.

Ракеты летели прямо в Веню. Живописец
закрылся руками.

Не с той стороны ждёшь, Веня!

Быстрее шутих полетело копьё пятого всад-
ника... Подобное соборному шпилью, но обра-
щенному к земле, перевёрнутому, с фиалом,
увенчанным пылающим крестоцветом с изви-
вающимися, подобно коротким молниям, кра-
ббами... И всё ратовище было подобно столпу
огненному. Всадник, подлетая к городу, бросил
копьё сверху и уже прямо вниз, как если б метнул
молнию. С каким-то особенно грозным голубо-
ватым сверканием прорезала она обступающую
Веню тьму...

Всадники ж продолжали скакать далее... Далё
они куда-то спешили... На Север... «В Москву!..»
– похолодел Веня...

Жестокий удар потряс до основания существо
Вениамина Ивановича. Голубоватый огонь, как
тать, пробежал по его жилам, достал до косто-
чек и прошёл через и сквозь... Веня рухнул
наземь. Сам себя же убил, последнее, что мель-
кнуло в голове у Вени. С тем сознание живописца
померкло.

Продолжение следует